

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

**РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ:
ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

V международная научная конференция романистов

26–27 ноября 2009 г., Москва

Сборник материалов

Москва
2011

Составители:

д.ф.н. проф. *М.А. Косарик*

к.ф.н. доц. *Л.И. Жолудева*

Рецензенты:

д.ф.н. проф. *И.Н. Кузнецова*

д.ф.н. проф. *Н.В. Иванов*

Оригинал-макет:

О.К. Трушина

Благодарим за помощь в подготовке
сборника *Е.Г. Домогацкую*.

Все материалы печатаются в авторской редакции.

Оглавление

М.Ю. Авдонина (Москва).....	5
А.Т. де Андраде (Рио-де-Жанейро, Бразилия).....	23
А. Ануфриев (Москва).....	25
Э.М. Береговская (Смоленск).....	27
Ю.Н. Власова (Смоленск).....	37
А.А. Голикова (Москва).....	46
Е.А. Гринина, Н.С.Авилова (Москва).....	53
Д.Л. Гуревич (Москва).....	60
А.А. Евдокимова (Москва).....	69
Е.С. Еленская (Москва).....	76
Л.И. Жолудева (Москва).....	81
М.В. Зеликов (Санкт-Петербург).....	89
М.Е. Кабицкий. (Москва).....	96
Ю.А. Карпова (Москва).....	107
М.А. Косарик (Москва).....	113
Л.Г. Крауклис (Москва).....	116
Н.А. Кулешова (Москва).....	129
В.В. Купоросова (Москва).....	132
В.В. Куртов (Москва).....	143
Е.В. Левина (Москва).....	151
Е.Н. Мамсурова (Москва).....	166
И.Н. Миляева (Москва).....	176
Н.Ф. Михеева (Москва).....	180
Л.А. Мурадова (Москва).....	186
Ю.П. Мурзин (Москва).....	195
М.Р. Ненарокова (Москва).....	202
Е.Ф. Нечаева (Москва).....	209
С.А. Никитин (Москва).....	214
Ю.Г. Новикова (Красноярск).....	221
Ю.Л. Оболенская (Москва).....	223
О.И. Осаволук (Смоленск).....	229
А.Ю. Папченко (Москва).....	234
Е.Б. Передерий (Москва).....	241
Л.А. Пушина (Ижевск).....	247
Т.И. Ретинская (Орёл).....	254

Помимо традиционного способа языкового оформления чужих слов с помощью специальных конструкций и знаков препинания, имеются так называемые интертекстуальные связки (*conectores intertextuales*), широко использующиеся для скрытых цитат: наречия, глагольные формы (имперфект индикатива, сослагательное наклонение), отрицание, упоминание прецедентных имен.

К сожалению, автор обращает преимущественное внимание на способы передачи чужих слов в диалогах, т.е. на имплицатуры речевого общения и пресуппозиции. Об интересующем нас явлении она говорит вскользь, упоминая особый эффект угадывания, который создают прецедентные единицы.

Литература:

- Барп Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: УРСС, 2003.
Adil Barrada. Intertextualidad y traducción: la alusión como elemento primordial en la traducción de los textos literarios del árabe al español (dialnet.unirioja.es/servlet/oaiart?codigo=2337701).
Martínez-Garrido, G. La intertextualidad en el discurso publicitario español-inglés. *Interlingüística*, 2003, 14. P. 811–824.
Reyes G. Los procedimientos de cita: citas encubiertas y ecos. Madrid: Arco Libros, 1994.
Rodríguez R. Publicidad omnívora, publicidad caníbal: el intertexto polémico. (<http://rua.ua.es/dspace/handle/10045/8511>, *Publicidad omnívora, publicidad caníbal -COVILHA.pdf*).
Yyshnya N., Sevilla Munoz J. La base cognitiva de una cultura tradicional// *Eslavística Complutense* 159, 2007, 7. P. 159–170

Л.А. Пушина (Ижевск)

Юмористический потенциал силлеса

Анри Морье определяет юмор как проявление спокойно-го, уравновешенного умонастроения, при котором человек, видя все недостатки характера, ситуации и мира, приспосабливается к ним в покорном улыбчивом добродушии, будучи уверенным в том, что крупица сумасшествия – в порядке вещей. Юмор притворяется, будто находит аномальное нормальным (Morier: 604).

Юмор имеет различные литературные формы – анекдот, шутка, рассказ, каламбур, пародия, перепев, остроумный ответ собеседнику *bon mot* и др.

Изучением юмора и притмов комического в разное время занимались такие исследователи как А. Бергсон, А. Бретон, В.Я. Пропп, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Ю.Б. Боров, Е.И. Земская, В.З. Санников, А.Д. Шмелев и др.

В.З. Санников обобщая притмы, выделяемые теоретиками юмора, отмечает особую роль повтора, перестановки (инверсии) и контраста (противопоставления) (Санников: 43).

Уточняя принцип контраста как одного из главных факторов создания комизма, Е.А. Земская говорит о противоречии между устойчивой системой выражения и нарушающими ее речевыми приемами, а именно:

- смешение слов и выражений, принадлежащих различным стилям;
- игра слов – каламбуры;
- изменение структуры фразеологизмов;
- окказиональное употребление словообразовательных средств и другие (Земская).

К средствам создания юмора можно отнести и фигуру двойного смысла – *семантический, или ораторский силлепс*.

Известна роль силлепса в создании иронии в романе и квипрокво в драматургии (Fromilhague, Sancier-Chateau: 84; La syllepse: 5; 245). А. Морье выделяет целую эпоху в литературе – эпоху Просвещения, когда употребление ораторского силлепса, излюбленного приема барочной литературы, сводилось к сфере комического. Одного прозаического или низкого слова было достаточно для того, чтобы возникал эффект насмешки. Например, в поэме П. Скаррона «Перелицованный Вергилий» (*Le Virgile travesti*) Эней и Дидона охарактеризованы как «...*beaux amants / De qui les soupirs enflammés / Ont tout noirci la cheminée*» (Morier: 1080).

В качестве приема, создающего игровой и комический эффект, силлепс используется в однофразовом тексте: в квазипословице, в подписи к юмористическому рисунку (Береговская 2001: 28; 2000: 131), в остроумном высказывании *bon mot*¹.

Ф. Расье говорит о том, что уже сам жанр анекдота готовит читателя или слушателя к декодированию смысловой игры: «Если я объявлю вам о том, что буду рассказывать анекдот, то вы будете готовы к любым силлепсам» (цит. по: La syllepse: 142).

Ораторский или семантический силлепс по определению, пред-

ложенному ритором XVIII века Сезаром Дюмарсе в трактате «О тропах», является разновидностью метафоры или сравнения, в которой одно и то же слово используется в двух значениях в одной фразе; одно из них прямое, другое – переносное.

В примере С. Дюмарсе (*Corydon dit que Galathée est pour lui plus douce que le thym du mont Hybla* (Virgile)) силлепс относится к слову *douce* (нежная), прямое значение которого связано со словом тимьян, а образное – с впечатлением, произведённым Галатеей на пастуха (цит. по: La syllepse: 5).

В XIX веке Пьер Фонтанье расширил семантику переносного значения, добавив к метафоре синекдоху и метонимию. Однако в его трактате понятие «силлепс» утратило самостоятельное значение; Фонтанье применил его для обозначения категории «смешанных тропов», объединяющей три фигуры, – зевгму, хиазм и антанаклазу (Дюбуа: 221), сохранив при этом принцип определения стилистического приема Дюмарсе.

По мнению М. Ле Герна, анализ именно этих фигур и, в особенности, антанаклазы² привел Фонтанье к выводу о наличии в семантике силлепса метонимии и синекдохи (Le Guern: 98). Так что вопрос о специфике образного компонента силлепса остается открытым.

С другой стороны, определение Фонтанье содержит допущение, которое позволило исследователям отказаться от тропологической основы в изучении силлепса и рассматривать его с точки зрения лексической полисемии, частными случаями которой являются метафора и метонимия (Le Guern 1973 и др.).

Силлепс возникает тогда, когда в структуре высказывания, в ближайшем лингвистическом окружении многозначного слова, выстраиваются две семантические изотопии (Mazaleyrat, Molinié: 345), точкой пересечения которых он и является (Le Guern 1973: 112).

Иначе говоря, по словам М. Ле Герна, силлепс объединяет два речевых пространства, каждое из которых передается частью контекста, для того, чтобы построить новое речевое пространство, оригинальное, иногда необычное, часто поэтическое:

*Mais sans t'amuser plus à la bonne aventure,
Sombre divinité, tu nous la peux donner* (Scudéry, *La Belle Egyptienne*).

Комментарий автора выявляет силлептическое употребление слова *aventure* в синтагматически связанном и свободном значении (гадание и любовное приключение), объединяющем описание египтянки и влечение лирического героя (Le Guern 2006: 102).

В отличие от других «смешанных тропов», имеющих вполне опре-

деленную синтаксическую организацию, два значения одного слова, одновременно присутствующие в сообщении, разнесены по разным синтагмам (Дюбуа: 224; Береговская 2004: 64), – силлепс лишён формальных признаков, которые могли бы выявить его присутствие. Осмысление возникающего семантического эффекта во многом зависит от читательской интерпретации, при этом «мерцание смыслов» делает множественной интерпретацию высказывания и, как отмечает В.С. Баевский, ни одно из значений не может быть единственно возможным (Баевский: 137).

Благодаря этим особенностям силлепс является удобным инструментом для моделирования комических смыслов и ситуаций. Мы рассмотрим фигуру семантического силлепса на материале разножанровых французских авторских текстов.

Обнаруженные нами примеры актуализируют следующие типы лексических значений:

1. словарные:
 - а) главное и второстепенное
 - б) свободное и фразеологическое
 - в) прямое и переносное (узуальный троп)
2. словарное и «контекстуально трансформированное» (Хованская: 258):
 - а) узуальное и устаревшее
 - б) узуальное и окказиональное (авторский троп).

1. а) *Et comme je lui répondais que j'aimais une mortelle, boudeuse et dépitée, elle pleura quelques larmes, poussa un éclat de rire, et s'évanouit en giboulées qui ruisselèrent blanches le long de mes vitraux bleus* (Bertrand Ondine).

В этой фразе глагол *s'évanouir* (словарные значения: 1. Perdre connaissance. 2. Disparaître, se dissiper) является точкой пересечения мифологического пространства «баллады в прозе» и неожиданной разрушающей его концовки, которая дает «другую версию» наблюдаемого героем события: русалка теряет сознание / исчезает в дождевых потоках, струящихся по стеклу. Силлепс соединяет фантазию и реальность, оживляя стершийся образ второго значения глагола.

1. б) *Pour conclure, je dirai comme le grand Cioran, mon philosophe de chever: "Si le **dégoût du monde** confèrerait à lui seul la sainteté, je ne vois pas comment je pourrais éviter la canonisation* (Bedos Paul-Henri *n'est pas méchant*).

Как и в предыдущем примере, силлепс занимает в юмористическом рассказе ключевую позицию – подводит итог размышлениям героя об окружающих его людях (они вызывают у него отвращение) –

и актуализирует свободные значения слова *monde* (люди, мир). Однако в самой заключительной фразе меняется субъект речи, тональность (ирония – комизм) и тематическое наполнение (религия), что создает условия для восприятия синтагматически связанного значения в выражении *dégoût du monde* «отречение от мира». Силлепс уже содержится в высказывании Сиорана, текст скетча только усиливает его конкретное значение. Комизм возникает на столкновении двух, вроде бы, противоречивых позиций отношения к миру – бытовой (агрессия) и религиозной (уход), которые «примиряются» в силлептическом значении неприятия правил человеческого общежития.

1. в) *Ma Thérèse à la roideur si fragile! Ma spirite en verre de Murano. Tellement cassante...* (Pennac *Aux fruits de la passion*).

Главный герой романа с удивлением обнаруживает перемены в поведении своей сестры: прежде «хрупкая, как стекло», она становится жесткой (Fig. Qui manifeste une raideur tranchante), настаивая на своем, резко отклоняя доводы собеседника. Одновременная актуализация двух значений прилагательного *cassante* позволяет писателю изобразить переживания героя и «обновить» узуальный образ. Комический эффект связан со смешением высокой («verre de Murano») и низкой (небрежно-фамильярное «*cassante*») оценки в характеристике героини.

2. а) *Or, quand madame Prune était occupée avec une visite, si un nouvel arrivant se présentait, son ingénieux mari, pour le faire attendre, le captiver dans l'antichambre, le retenir, s'offrait aussitôt à lui peindre quelques cigognes, dans des attitudes variées...* (Loti *Madame Chrysanthème*).

Сцена романа живописует «галантные» нравы японской семьи, в которой муж скрашивает ожидание мужчин, «навещающих» его супругу, «плняя» их своим талантом к рисованию журавлей. Комическая двусмысленность ситуации подкрепляется обыгрыванием семантики многозначной лексики (*occupée, visite, ingénieux*). Лексема *captiver* несет актуальное значение (*séduire; passionner*) и устаревшее (*maintenir prisonnier*), помеченное как «вышедшее из употребления» в XVII веке³. Предшествующий глаголу контекст поддерживает узуальное значение, соответствующее эйфорической тональности и положительной оценке происходящего, а вторая часть фразы – более конкретное архаическое, привлекающее внимание к другому смыслу происходящего. На новом витке смысловой перегруппировки внутри полисемантической единицы производное переносное значение становится основой для возвращения в словарь породившей его лексемы.

2. б) *Le blondinet, maintenant, ressemblait à de l'amour fondu !* (Pennac *La fée carabine*).

Интерпретация выражения *l'amour fondu* возможна только в контексте предшествующего изложения, повествующего о блондине-полицейском, озабоченном своим внешним видом и проблемой личной безопасности (наличием оружия), и старушке, идущей по обледеленному участку дороги. Силлептически употреблены оба слова словосочетания:

– чтобы описать внутреннее состояние блондина – неожиданно овладевшее им чувство сыновней любви к пожилой даме – через основное значение абстрактного существительного *amour* (Sentiment intense, attachement) и переносное значение причастия прошедшего времени глагола *fondre* (Fig. s'attendrir d'un coup);

– чтобы изобразить **внешний вид через сравнение с символом этого чувства – Амуром: «Représentation allégorique ou symbolique (souvent sous la forme d'un enfant armé d'un arc)»**. Пластический характер изображению придаёт словарное значение глагола *fondre* (fabriquer (un objet) en coulant du métal en fusion dans un moule).

Новое окказиональное значение этого семантического «сплава» фиксируется грамматическим сдвигом в употреблении определённого артикля.

Последний пример представляет собой образное сравнение, которое является продуктивной семантико-синтаксической конструкцией для возникновения силлепса. Этот прием часто используется для конкретизации семантики абстрактного образного значения (см. пример Дюмарсе), как например, в следующей фразе: *Souventes fois, le préfet de la ville y jetai négligemment, en manière de carte de visite, un bouquet inopiné de sergents de ville* (V. de l'Isle-Adam *Les Demoiselles de Bienfilâtre*).

Э.М. Береговская рассматривает подобные образные сравнения с силлептическим основанием в рамках теории структурного обновления фигур образности (Береговская 2009: 49–58). Этот подход представляется применимым и к силлепсу-метафоре, составляющему основную корпус исследованных нами примеров.

Таким образом, мы видим, что силлепс довольно широко представлен в текстах с юмористической тональностью. Он проявляет себя как прием, реализующий принцип контраста, лежащего в основе порождения комических смыслов. Взаимодействуя с речевыми приемами юмора (Е.А. Земская), он становится точкой смешения стилей и разноуровневых антитетических значений, участвует в трансфор-

мации семантики фразеологизмов и производстве окказиональных значений.

Особая роль силлепса заключается в том, что он сообщает высказыванию не резкий иронический тон, а приглушенный комический оттенок, который занимает на «шкале смеха» положение близкое к улыбке. Тем более что прежде читателю надо внять сложному смысловому замыслу автора.

Литература:

- Баевский В.С. Три сюжета о Мандельштаме // Знамя. 2007. № 2. С. 132–138.
- Береговская Э.М. «Квази» (Чужой текст как материал для языковой игры) // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В.Г. Гака. Дубна, 2001. С. 23–37.
- Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М., 2004.
- Береговская Э.М. Стилистика в подробностях. М., 2009.
- Береговская Э.М., Верже Ж.-М. Занятная риторика. М., 2000.
- Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М., 1986.
- Земская Е.А. Речевые приемы комического в советской литературе // Исследования по языку советских писателей. М., 1959. С. 215–278.
- Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1990.
- Хованская З.И. Стилистика французского языка. М., 1984.
- Fromilhague C., Sancier-Chateau A. Introduction à l'analyse stylistique. P., 1996.
- La syllepse. Figure stylistique. Textes réunis par Y. Chevalier et P. Wahl. Lyon, 2006.
- Le Guern M. Retour à la syllepse // La syllepse. Figure stylistique. Lyon, 2006. С. 97–105.
- Le Guern M. Sémantique de la métaphore et de la métonymie. P. 1973, P. 109–113.
- Mazaleyrat J., Molinié G. Vocabulaire de la stylistique. P., 1989.
- Morier H. Dictionnaire de poétique et de rhétorique. PUF, 1981.

Примечания:

¹ См. доклад Э.М. Береговской «Спиритуатив в ряду других речевых актов» на конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности» (26–27 ноября 2009 г.).

² Ле Гюэн цитирует два примера из трактата Фонтанье, которые являются антанаклазами:

Rome n'est plus dans Rome, elle est toute où je suis.

Le singe est toujours singe, et le loup toujours loup. (Le Guern 2006: 98).

*В русском языке есть кириллическая графема «бонмо» или «бон-мо», но 17-ти томным академическим словарем она квалифицируется как устаревшая.

Т.И. Ретинская (Орел)

Об одном из инструментов обследования французских профессиональных арго

Следует выделить два пути, позволяющие провести сбор материала для многоаспектного анализа профессиональных арго:

1) изучение результатов лексикографической фиксации ненормативных лексических единиц, свойственных речи представителей той или иной профессии или сферы деятельности;

2) ведение полевых записей устной речи носителей специфического языка¹.

Эти два направления исследования профессиональных арготизмов взаимосвязаны. Продуктивность полевого изучения во многом зависит от тщательного анализа лексического репертуара носителей профессионального говора, отраженного в разнообразных лексикографических источниках (начиная от словаря арго отдельной профессиональной группы и заканчивая сводными словарями арго, содержащими не только общеарготические лексемы, но и парольные слова (*mots de connivence* / термин Ж. Бансимон-Шукрун) из репертуара самых разных профессиональных групп). Арготическая лексикография, или арготография (термин Дени Делапласа), считается стартовой площадкой для изучения профессиональных арго и экспликации особенностей их функционирования. Лишь скрупулезное изучение лексических единиц, зарегистрированных в словарях и словарных списках, позволяет провести качественный анализ типологических особенностей обширной и многообразной лексической периферии языка. Следует отметить большую роль авторов словарей в создании базы для проведения социалингвистических исследований: «минутная лексикографию, арготолог не сможет делать какие-либо выводы и обобщения» (Береговская 2007: 218).

Современной социалингвистикой разработаны разнообразные методические приемы исследования устной речи арготирующих.